

РЕЦЕНЗИИ

УДК 39+908+930.23

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/365-374

Рецензия

© Б. Н. Пойзнер, И. В. Измайлов

РЕЦ. НА: СЕМИБРАТОВ В. К. ФЕНОМЕН УЕЗДНОГО ГОРОДА. МАЛМЫЖ В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. М.: РЕДКАЯ ПТИЦА, 2021. 288 С.

В рецензии на монографию В. К. Семибратова «Феномен уездного города. Малмыж в истории русской культуры» даётся высокая оценка труду. Автор рисует историю г. Малмыжа XVII — начала XX вв. как центра развития и взаимодействия населяющих округу русских, татар, удмуртов, марийцев. Отмечается, что исследование построено на широкой базе литературных и архивных источников, оно носит полидисциплинарный характер. Объекты изучения — универсальные и специфические проявления ведущих форм сохранения, трансляции, преобразования, создания моделей жизнедеятельности. Методика изучения, описания, толкования опирается на системную познавательную модель, а частично — на диатропическую. Это позволяет ревидовать, упорядочить, актуализировать ресурсы коллективной памяти Малмыжа; концептуально выбирать кластеры фактов, чтобы восстановить эволюцию местной антропосферы; раскрыть взаимовлияние культурной динамики Малмыжа и регионов империи. Вкупе с приёмами микроисторического метода — идентифицировать, вычленять, сепарировать один историко-культурный фактор, компонент, мотив и т.п. от «соседнего». Монография оценивается в свете ряда идей: «Ретропоии» З. Баумана, антропологической концепции «Past Discontinuous» И. И. Сандомирской, трансисторического мышления, историософии Вяч. Ив. Иванова в его поэме «Человек» и «Патриотизма» М. М. Крома. Подчёркнуто, что у некоторых взаимосвязей Малмыжа со страной — статус социальных изобретений. Они полезны антропологу и педагогу как прецеденты или прототипы отношений «родного» со «вселенским». Обращено внимание на то, что книга, предоставляя трансисторический контакт с минувшим, стимулирует региональное самосознание читателя, его родиноведческую рефлексию.

Пойзнер Борис Николаевич — к.ф.-м.н., профессор кафедры квантовой электроники и фотоники, Радиофизический факультет Национального исследовательского Томского государственного университета (Российская Федерация, 634050, Томск, пр. Ленина, 36). Эл. почта: pznr@mail.tsu.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4550-3587>

Измайлов Игорь Валерьевич — к.ф.-м.н., доцент кафедры квантовой электроники и фотоники, Радиофизический факультет Национального исследовательского Томского государственного университета (Российская Федерация, 634050, Томск, пр. Ленина, 36). Эл. почта: izmi1@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6772-9141>

Ключевые слова: рецензия, Малмыж, уездный город, трансисторизм, ретротопия, антропосфера

Ссылка при цитировании: Поизнер Б. Н., Измайлов И. В. Рец. на: Семibrатов В. К. Феномен уездного города. Малмыж в истории русской культуры. М.: Редкая птица, 2021. 288 с. // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 365–374.

UDC 39+908+930.23

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/365-374

Book Review

© *Boris Poizner, Igor Izmailov*

BOOK REVIEW: SEMIBRATOV, V. 2021. THE PHENOMENON OF A COUNTY TOWN. MALMYZH IN THE HISTORY OF RUSSIAN CULTURE. MOSCOW: “RARE BIRD”, 288 P.

The review of the monograph “The Phenomenon of a County Town. Malmyzh in the history of Russian culture” by V. K. Semibratov appreciates highly this work. The book depicts the city of Malmyzh history in the 17th — early 20th centuries as a place where the interaction of Russians, Tatars, Udmurts, and Mari inhabitants took place. This multidisciplinary study is based on multiple literary and archival sources. The objects of study are universal and specific manifestations of the leading forms of preservation, translation, transformation, creation of life activity models. The methodology for studying, describing, and interpreting is mainly based on a systemic cognitive model and partly on a diatropic model. This allows the author to: revise, organize and update the resources of Malmyzh’s collective memory; conceptually select clusters of facts in order to reconstruct the evolution of the local anthroposphere; reveal the mutual influence of the cultural dynamics of Malmyzh and another regions of the empire. Coupled with the techniques of micro-historical method this lets the author to identify and isolate all historical and cultural factors, components and motives from one another. The monograph is evaluated in the light of a number of ideas: “Retrotopia” by Z. Bauman, the anthropological concept “Past Discontinuous” by I. Sandomirskaya, transhistorical thinking, V. I. Ivanov’s historical philosophy in his poem “Man” and “Patriotism” by M. Krom. It is emphasized that some of Malmyzh’s relationships with the country had a status of social inventions. They are useful for the anthropologist and educator as precedents or prototypes of the relationship between the “native” and the “universal”. The monograph provides a transhistorical contact with the past. Therefore, the book stimulates the reader’s regional self-awareness, his reflection of motherland studies.

Keywords: review, Malmyzh, county town, transhistoricism, retrotopia, anthroposphere

Author Info: Poizner, Boris N. — Ph. D. in Physics and Mathematics, Professor, Faculty of Radiophysics, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pznr@mail.tsu.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4550-3587>

Izmailov, Igor V. — Ph. D. in Physics and Mathematics, Docent, Faculty of Radio-physics, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: izmi1@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6772-9141>

For citation: Poizner, B. N. and I. V. Izmailov. 2023. Book Review: Semibratov, V. 2021. The Phenomenon of a County Town. Malmyzh in the History of Russian Culture. Moscow: Redkaia ptitsa, 288 p. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 365–374.

Город — это люди, а не стены.

Фукидид

Тихо было в уездной России.

Андрей Платонов

Думая о будущем патриотизма, необходимо сначала справиться о здоровье национального государства.

Арджуна Аннадурраи

Контекст рецепции книги и задачи автора

Монография «Феномен уездного города. Малмыж в истории русской культуры» воспринимается в бурной обстановке войны идей, социогуманитарных парадигм, культурных практик конца 2000-х — начала 2020-х годов. В России эти процессы носят отчасти ярко выраженный характер, отчасти же латентный. Причём углубляются конфликты доктрин и мнений по поводу толкований нашего исторического прошлого, его актуальности, способов реконструкции его.

Выделяя кардинальную черту турбулентной мировой динамики, многие наблюдатели и аналитики современности используют концепт «кризис». Они подразумевают — едва ли не в первую очередь — антропологический кризис, обостряющуюся болезненность и шаткость планетарной антропной сферы, неверие в спасительность будущего, децентрализацию ценностного пространства под натиском имморализма, нигилизма, социального цинизма, деструктивных стратегий и стереотипов поведения и т. д. В том же ряду — кризис рецепции прошлого и проблемы социальной регуляции его значимости, его власти. Кризис осмысливает, например, З. Бауман (1925–2017), английский культуролог польского происхождения. Его концепция (2017) раскрывает соотношение, конкуренцию, дисбаланс между прошлым и будущим в западноевропейском коллективном сознании XXI в. Центральное понятие в ней — неологизм «ретротопия» (*«retrotopia»*). Бауман образовал его из двух семантически прозрачных корней. Ретротопия есть «глобальная эпидемия ностальгии», которая сменила собой другую — глобальную «эпидемию безумия прогресса» (Bauman 2017: 8, 10). Поэтому, в частности, ретротопия становится мощным генератором мифологии (включая мифы о человеке), претендующей на научный историзм.

Реакцию индивидуального, общественного, профессионального сознания на «эпоху тотальной деструкции», начатую в XX в., выявляет и исследует И. И. Сандомирская, специалист по советской культуре, профессор Университета Сёдертёрна. Она вводит категорию «реставрация», полагая её особой формой «производства и трансмиссии прошлого в современность». Сандомирская обнаруживает в рестав-

рации новое качество: «третий, дополнительный и критический дискурс прошлого по отношению к истории и к памяти». Реставрация «(вос)производит прошлое в соответствии с критериями аутентичности сегодняшнего дня и с целью сохранить вещь для дня завтрашнего». Ей присуща вариативность «выборов прошлого» из ряда возможных, что не всегда осознаётся (Сандомирская 2022: 6–9). Разработку методологии восстановления вещественных компонентов культуры резонно считать — хотя бы в порядке дискуссии — предпосылкой проекта конструктивной антропологии. Целью этого гипотетического предприятия могла бы стать реставрация личности через *up-grade*, восстанавливающий сложность «докатастрофического» человека, допустим, 1913 года.

Переживаемый кризис влияет — с той же или даже большей силой — на построение моделей человека будущего, на выдвигаемые антропологические эталоны для воображаемого будущего, на принципы и направления совершенствования антропной сферы в целом. Усугубляя тягостное состояние неопределённости, кризис одновременно подсказывает гуманитариям новые инструменты: компаративные, верификационные, критериальные, метрологические и др. Такова, скажем, концепция Л. Д. Гудкова «возвратный тоталитаризм». Они полезны для распознавания *post factum*, изучения, уточнения, типизации кризисных явлений XX века, включая повседневную жизнь, социальные отношения, (не)официальную культуру в СССР.

В монографии объектом исследования и многостороннего описания служат «труды и дни» провинциального города Малмыжа с XVII и до начала XX вв. При своём возникновении городок был столицей небольшого марийского княжества, после присоединения к Российской империи подчинялся Казани, а с 1780 г. был переведён в состав Вятского наместничества (с. 6). Целей у исследователя минимум три. Во-первых, «показать значение типичного провинциального городка для истории отечественной культуры. Отдельный разговор идёт в книге о Малмыже как центре развития населяющих округу татар, удмуртов и марийцев». Во-вторых, раскрыть роль «деятельности хозяев дворянских усадеб, подчас принимавших участие в эпохальных для страны событиях и связанных родственными узами с деятелями государственного масштаба». В-третьих, «развеять нелепые слухи и легенды, появившиеся с лёгкой руки несведущих рассказчиков» (с. 6, 7).

Познавательные усилия автора сфокусированы преимущественно на универсальных и специфических проявлениях в истории г. Малмыжа ведущих форм культуронаследования, сохранения, аккумуляции, трансляции, преобразования, трансплантации, создания *моделей жизнедеятельности*. Эти дискретные слагаемые, т. е. единицы, «кванты» человеческой культуры, способны к репликации (самовоспроизведению) в тех или иных сообществах. По своей природе это информационные структуры, с содержанием которых отдельный человек или коллектив координирует свои действия, мысли, прогнозы. И тем самым — решает «стандартные» проблемы. Модели жизнедеятельности известны под многими именами. Таковы «психические микробы» (В. М. Бехтерев, 1898), *habitus* (М. Мосс, 1935 и П. Бурдьё, 1972–1980), *cultural patterns* (А. Л. Крёбер, 1944), *memes* (Р. Докинз, 1976), «сравнительно устойчивый тип решений» (М. Дингес), «культуремы» *versus* «бихевиоремы» (Э. Оксаар, 1991), «культурные образцы» (Н. С. Розов, 1992), «„пустые“ антропограммы» (В. А. Подорога, 2017) и т. д.

В этом отношении показательны названия глав книги: Малмыж литературный, Малмыж книжный, Малмыж художественный, Малмыж научный, Дворянские гнёзда как очаги духовной жизни, Малмыж — центр развития национальных культур. В последней главе («Сибирский тракт и река Вятка в культурном развитии региона») автор анализирует геоэкономические факторы судьбы города. Главы делятся на разделы числом от двух до двенадцати. Тематизация, обусловленная задачами исследования, и диктуемое ею построение книги представляются нам близкими к оптимальному. Многоаспектность изучения помогает автору взглянуть на трёхсотлетнюю жизнь города буквально с семи сторон (фактически, этих аспектов минимум вдвое больше).

Релевантна ли рецензируемая книга современной антропологической проблематике, дискутируемой, например, З. Бауманом и И. И. Сандомирской? Да, «Феномен уездного города» ревизует, упорядочивает, актуализирует ресурсы истории и памяти за три века, относящиеся к общественной и частной жизни обитателей Малмыжа, к росту «грибницы», приобщающей его к пластам русской культуры. Выбирая кластеры событий, деяний исторических лиц, картин быта и т.п., автор восстанавливает — с той или иной разрешающей способностью — эволюцию человеческой среды, антропосферы (Д. Н. Анучин, 1902), окружавшей Малмыж. Судя по содержанию и тону монографии, в ходе пристальной ретроспекции родного края автор не скрывает своей преданности ему. Тем не менее он не впадает в местечковый патриотизм. «Феномен уездного города» посвящён именно результатам реставрации. Но не восстановлению старинных вещей (об его апориях и подводных камнях предупреждает И. И. Сандомирская), а разнообразных объектов знаковой и социальной реальностей. Объекты эти, будучи восстановлены автором, репрезентируют черты и чёрточки наших соотечественников прошедших столетий. Здесь самокритичность и профессионализм В. К. Семибратова позволяют удерживаться в позиции исследователя, т.е. осуществлять реставрацию без ретропии. В отдельных сюжетах (преимущественно в главе «Дворянские гнёзда как очаги духовной жизни») автор развёртывает примеры, особо поучительные в плане культурной антропологии. Их смысл, пожалуй, передаёт категория времени *Past Discontinuous* в заглавии труда И. И. Сандомирской. В грамматике *Past Discontinuous* «выражает прошлое, утратившее всякую релевантность, всякую связь с настоящим» (Сандомирская 2022: 10). Судя по исследовательской ответственности автора «Феномена...», он чувствует нечто подобное.

Несколько отдельных оценок

Монография решает нетривиальную творческую задачу, претендуя на политематическую реконструкцию жизни и своеобразной, отчасти синкретической, культуры уездного города за три с лишним века. Насколько успешно она решена? Укажем ряд признаков достижения сформулированной историком цели и задач.

В методологическом плане автор использует минимум две *познавательные модели*: Согласно идее культуролога А. П. Огурцова, развитой историком и методологом науки Ю. В. Чайковским в начале 1990-х гг., познавательная модель в европейской науке есть концептуальная схема, фундаментальная модель постановки и решения проблем, а также истолкования результатов. Она господствует в научных сообществах в каждый данный период. В. К. Семибратов использует

в основном системную познавательную модель и отчасти — диатропическую. Поясним неологизм, введённый Ю. В. Чайковским для обозначения методологической инициативы палеоботаника С. В. Мейена. Термин «диатропический» имеет этимологом др.-греч. *διατρόπος* — разнообразный. Эта познавательная модель видит в мире, прежде всего, разнообразие. Базой служит эволюционная диатропика — наука о закономерностях организации разнообразия. Первичное понятие в ней — ряд объектов; ряд играет ту же роль, что факт для иных наук. Первичной процедурой служит сопоставление рядов, первичным результатом — выявление их параллелей. Согласно Чайковскому, диатропический подход пытается исправить изъяны системной познавательной модели. Содержание монографии позволяет составить ряды объектов, какими занимается культурная антропология, и попытаться выявить параллели.

Взаимовлияние культурной динамики уездного Малмыжа и тех или иных регионов Российской империи раскрыто как типичные отношения между подсистемой (Малмыж), другими локальными подсистемами (скажем, Петербургом) и надсистемой (империей, её структурой и функционированием в целом). Отношение эти — как продемонстрировано в монографии — в конкретных исторических обстоятельствах могут иметь тот или иной характер. Так, это кооперация (по принципу дополнительности; тогда возможен положительный эмерджентный эффект, т. е. культурный расцвет); подражание (воспроизводящее черты догоняющей модернизации, присущей всей культуре России и её колониям), обособленность или даже частичная (кратковременная) самоизоляция. Она влечёт культурный декаданс, порой довольно колоритный — см., например, (Кориунков 2021).

Автор оперирует богатым фондом собранных литературных источников и архивных документов — практически всех типов. В него входят редкие, забытые, труднодоступные и впервые публикуемые в книге тексты. Естественно, введение в научный оборот новых фактов, имён, неизвестных событий и т. д. — индикатор творческих успехов историка.

Ещё один симптом достижения поставленной цели — многомерность исторического нарратива, посвящённого г. Малмыжу и его окрестностям. Так, композиция первой главы книги, раскрывающей причастность города к изящной словесности, образована двенадцатью сюжетами. Фактически же, автор изучает строение запутанной ретины, соединяющей Малмыж с миром литературы, примерно в двадцати самостоятельных аспектах. Многомерности исторического обзора соответствует необходимая детализация картины. Детализация ценна сама по себе как ключевой компонент микроисторического метода. В случае изучения эволюции мультикультурного города у детализации особая методологическая роль. Наведение лупы исследователя на конкретный объект позволяет корректно идентифицировать, вычленять, сепарировать один историко-культурный фактор, компонент, мотив и т. п. от «соседнего».

В монографии речь идёт об утраченных реальностях: знаковой, социальной, материальной. Вызволить их «из тьмы былого» постоянно стремится археолог, краевед, текстолог, литератор. Нередко же — художник, архитектор, садовник, механик, реставратор. В этой интенции — насколько можно судить — «Феномен...» показывает квалификацию автора. А именно, его акрибию знатока прошлого, самоограничение реконструктивной фантазии, заботу о достоверности своих (и чу-

жих) утверждений, чувство хронологических пропорций, привлечение аргументов, проверяемых в дискуссии.

Видимо, поэтому в книге витает дух позитивного и достаточно трезвого русского регионализма. Он оказался плодотворным, поскольку не впадает ни в комический патриотизм медвежьего угла, ни в имперский шовинизм почвенника. Чувствуется, что автор не желает потакать идейным запросам провинциала, являющегося невольной и неявной жертвой нашей внутренней колонизации (в толковании А. М. Эткинда, 2011). Этот тип наших земляков нередко травмирован комплексом своей географической неполноценности, культурной затерянности в дебрях периферии мира, в архаике институций и социальных отношений. Его горизонт часто ограничен лишь событиями на «малой родине». Отсюда риск для него быть топливом эгоистической империи: она известна ему главным образом батальными удачами, но никогда — «скучными ошибками веков» (как писал Осип Мандельштам, отстаивая примат ценностей).

Рискнём сравнить «Феномен уездного города» с малой планетой в литературном «космосе русского самосознания». Астрономическая гипербола поставлена заголовком известного словаря (Исупов 2020); концепт «Город» в нём, однако, отсутствует. Но уже сто лет и нынче, в 2020-е гг., русское самосознание стеснено в своих границах. Что ему могло бы подсказать знакомство с монографией? Пожалуй, что ему не всегда хватает строгости и корректности методологии, точности самоописания, аналитических средств защиты от «нас возвышающего» самообмана. Последний давно стал мощным приёмом государственного, корпоративного, а нередко и семейного воспитания. В этом смысле «Феномен...» обладает терапевтическим потенциалом, поскольку очерчивает некоторый частный антропологический позитив. Ведь в книге представлено множество фрагментов человеческих жизней. Их совокупность составляет — с неизбежными лакунами и неточностями догадок — *memoria loci* Малмыжа.

На всём тексте лежит отпечаток повышенной языковой тщательности автора. Он умело строит коммуникацию и с коллегой, и с менее подготовленным читателем (с «широким кругом читателей», если вспомнить стереотип). В этом плане стиль изложения отвечает современным рекомендациям антропологистов. И это вдвойне оправдано, поскольку в монографии различимы несколько дискурсов: сугубо научный, свойственный гуманитарному труду, порою научно-популярный или публицистический. А ещё — художественный язык, присущий беллетристу, очеркисту, поэту. В этом отношении *modus loquend* Семибратова выгодно отличается от изрядной доли произведений отечественных историков: они вполне доброкачественны по содержанию, но их слог оставляет впечатление черного перевода с иноземного наречия.

Творческий продукт принято оценивать и по перспективам, которые он открывает для очередной стадии исследований. Причём необязательно усилиями автора: мавр сделал своё дело... Каковы же возможные направления полидисциплинарного изучения роли Малмыжа в истории и географии отечественной культуры? По нашему предположению, одним из них является компаративистика уездного города. Сам по себе поиск *pendant* для Малмыжа составляет, наверное, увлекательную и небанальную задачу для антрополога вообще, особенно — для специалиста по процессам и катализаторам устойчивой межэтнической кооперации, мультикультурной амальгамы и т. п. Инструменты для этого испытаны на ряде репрезентативных сюжетов. Вспомним понятия «петербургский текст» и «петербургские тексты».

Если продолжать вольно думать о векторе желательных исследований, опирающихся на рецензируемую книгу, то правомерно выбрать тему «Антропогеоценоз Малмыжа». В случае же продуктивного движения по этому вектору можно заявить её более широко, допустим, «Антропогеоценозы Вятского региона в динамике». Основой для такого проектирования служит, с одной стороны, содержательность и системность исторических, краеведческих, этнографических сведений, обнаруженных и аккумулированных В. К. Семибратовым. С другой стороны — концептуальный опыт, накопленный в отечественной науке, скажем, Н. П. Анциферовым, М. О. Гершензоном, И. М. Гревсом, К. Г. Исуповым, А. М. Лидовым, Ю. М. Лотманом, В. А. Подорогой, Л. Н. Столовичем, В. Н. Топоровым, Б. А. Успенским. Ими разработаны процедуры, помогающие выявлять множественные смыслы, неотделимые от города как способа человеческой жизни, антропокультурного явления. И вообще — неотделимые от пространства, которое человек осваивает и облагораживает. Либо — превращает в токсичную социальную пустошь.

Монография злободневна. Ведь практики деструкции человека, деформации его «внутреннего пространства», включая эстетическую сферу, замещения его природного и рукотворного окружения деградированной средой настоятельно требуют социальной профилактики. А она подразумевает их изучение вкупе с разработкой должных методов, скажем, (Адоньева 2011; David-Fox 2016). Судя по имплицитным авторским оценкам, В. К. Семибратов предлагает читателю наглядные примеры и морального возвышения, и падения изображаемых персонажей. Его герои подвергаются испытаниям не только под натиском стихий Севера, но и под давлением государственной политики, игнорирующей значимость человеческих сообществ.

«Феномен...», следовательно, ценен и для антрополога-педагога. Книга во многих местах поучительна, но не назидательна, например, (с. 56–68, 210–223). Её надо бы прочесть студентам / аспирантам гуманитарных факультетов, землякам автора, обитателям сотен наших небольших городов. В них, возможно, ещё сохранились натуры, желающие пестовать региональное самосознание. Пожалуй, монографию можно квалифицировать и как учебное пособие по локальному родиноведению. Последний термин, насколько известно, был изъят из употребления после победы большевиков. И не случайно. Одним из слагаемых их антропологической программы было конструирование «нового человека», отличающегося исторической и культурной амнезией. Сочинения краеведов призваны преодолевать последствиям этого недуга.

Люди старого Малмыжа и трансисторизм vs Past Discontinuous

Можно ожидать, что, несмотря на турбулентные 2020-е, «Феномен...» способен актуализировать влиятельное присутствие давно ушедших лиц, их деяний, событий, которые они стимулировали некогда, либо в которые их вовлёл ход истории. Это означает, что по содержанию, средствам изучения, способам дескрипции его результатов и другим ключевым параметрам монография удовлетворяет критериям трансисторизма.

Поясним термин. «Трансисторическое мышление — это разом и теоретический парадокс, разрешение которого требует от исследователя нового угла зрения, и практический вызов, отвечая на который каждый претворяет массив сохранённых

прошлым текстов в частный смысл человеческой жизни. Преодолевая культурную, временную и политико-социальную удалённость, отбрасывая лишнее и по-новому комбинируя собственные находки, субъект гуманитарного знания не только опирается на некую безоговорочно воспринятую унитарную традицию (в духе Х.-Г. Гадамера) или расхожие практики потребления текстов (ракурс социологии литературы), но и выстраивает — с опорой на множественные ресурсы, каноны и ориентиры — ситуативные трансисторические сообщества, которые позволяют включить в пространство личного опыта давнее и недавнее прошлое, проекты будущего и реалии настоящего, образы и понятия коллективной и приватной жизни» (Маслов, Калугин 2022: 15–16). Хотя трансисторизм сосредоточен на семиотике, поэтике, антропологии, аксиологии сообществ минувших времён, он свободен от болезненной ностальгии, диагностированной З. Бауманом в «Ретротопии».

В этом смысле рецензируемая книга не раз предоставляет читателю «трансисторический контакт» с минувшим. Это — прикладной аспект, а потому важный. Но и в теоретическом плане работа В. К. Семибратова небезынтересна и небесполезна антропологу, занимающемуся топикой трансисторизма. Для него книга о Малмыже эвристична в коммуникативном плане и удобна в фактографическом. Одновременно книга пригодна служить интеллектуальным полигоном для свежей дискуссии о формах, границах, перспективах трансисторизма, о педагогических и общественно-политических приложениях его. Монография показывает, что трансисторизм — ресурс и двигатель культурного самосознания читателей, их родиноведческой рефлексии. Трансисторизм побуждает их к «неудовлетворённости современностью и стремлению её преобразить» (Калугин 2022: 77–78). Вероятно, тот же порыв породит книга у вдумчивых вятичей.

Resume

Работа В. К. Семибратова вызвала у нас две ассоциации. Близкие к ним, возможно, появятся у читателей. Первая возвращает к финалу комментария Вяч. Ив. Иванова к его «Человеку» (1915–1919), сочетающему жанры поэмы и мелопеи. Иванов приводит, по его выражению, «несколько строк из позднейшего размышления о существе гуманизма». В частности, поэт убеждён, что Человек участвует «в трагическом состязании, именуемом всемирной историей». Судьбы множества обитателей Малмыжа не противоречат такой метафоре.

Вторая ассоциация касается проблемы патриота как носителя и хранителя культурной памяти. Его миссия намного осложняется у нас — и не только — «в такие дни» (как сказал бы В. Я. Брюсов). Ведь одно из слагаемых современности — конфликты глобализма с национализмами, тоже взаимно враждующими. Логичен вопрос: каково будущее любви человека к отечеству? Историк М. М. Кром ожидает, что «люди будут активнее выражать свою привязанность к „малой родине“ — городу, краю, автономной области. Причём эта локальная идентичность вполне может сочетаться с вовлечённостью в различные формы глобальной солидарности» (Кром 2020: 154). В книге систематизированы многообразные способы жизненных взаимосвязей Малмыжа со страной. Порой они имеют статус социальных изобретений. Антропологу они могут послужить прецедентами или прототипами отношений «родного» с «вселенским», если снова вспомнить Иванова.

Научная литература

- Адоньева С. Б. Символический порядок. СПб.: Пропповский центр; Амфора, 2011. 167 с.
- Исупов К. Г. Космос русского самосознания: словарь. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 400 с.
- Калугин Д. «Одна семья, один град общий для мёртвых и живых»: О топике трансгисторизма // Новое литературное обозрение. 2022. № 2 (174). С. 69–80. https://doi.org/10.53953/08696365_2022_174_2_69
- Коршунков В. А. Ветроум: странное, страшное, смешное в повседневной жизни русской провинции XVIII — начала XX века. М.: Редкая птица, 2021. 320 с.
- Кром М. М. Патриотизм, или Дым отечества. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 160 с.
- Маслов Б., Калугин Д. От составителей // Новое литературное обозрение. 2022. № 2 (174). С. 15–16. https://doi.org/10.53953/08696365_2022_174_2_15
- Сандомирская И. И. Past Discontinuous; фрагменты реставрации. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 660 с.
- Bauman, Z. *Retrotopia*. Cambridge: Polity, 2017. 144 p.
- David-Fox, M. (ed.) *The Soviet Gulag: Evidence, Interpretation, and Comparison*. Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2016. 648 p.

References

- Adon'eva, S. B. 2011. *Simvolicheskii poriadok* [The Symbolic Order]. Saint-Petersburg: Prop-povskii tseentr; Amfora. 167 p.
- Bauman, Z. 2017. *Retrotopia*. Cambridge: Polity. 144 p.
- David-Fox, M. (ed.). 2016. *The Soviet Gulag: Evidence, Interpretation, and Comparison*. Pittsburg: University of Pittsburg Press. 648 p.
- Isupov, K. G. 2020. *Kosmos russkogo samosoznaniia: slovar'* [The Cosmos of Russian Self-Consciousness: Dictionary]. Saint-Petersburg: Tseentr gumanitarnykh initsiativ.
- Kalugin, D. 2022. "Oдна sem'ia, odin grad obshchii dlia mertvykh i zhivykh": O topike transistorizma ["One Family, One City Common for the Dead and the Living": On the Topic of Transhistoricism]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 2: 69–80. https://doi.org/10.53953/08696365_2022_174_2_69
- Korshunkov, V. A. 2021. *Vetroum: strannoe, strashnoe, smeshnoe v povsednevnoi zhizni russkoi provintsii XVIII — nachala XX veka* [Wind-in-mind: Strange, Scary, Funny in the Russian Province Everyday Life of the 18th — early 20th centuries]. Moscow: Redkaya ptitsa. 320 p.
- Krom, M. M. 2020. *Patriotizm, ili Dym otechestva* [Patriotism, or the Smoke of the Homeland]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 160 p.
- Maslov, B. and D. Kalugin. 2022. Ot sostavitelei [From the Compilers]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 2: 15–16. https://doi.org/10.53953/08696365_2022_174_2_15
- Sandomirskaya, I. I. 2022. *Past Discontinuous: fragmenty restavratsii* [Past Discontinuous: Restoration Fragments]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 660 p.